

—

XVII.

Торжественный концерт только что завершился. В школьном кампусе повсюду были люди; шум и гам стояли невообразимые, от чего раздражение в душе Гу Сьюаня лишь усилилось.

Заметив неподалеку здание читального зала, он решил зайти туда, чтобы побыть в тишине. Проходя по первому этажу, он миновал крытую баскетбольную площадку. Прищурившись, он невольно снова вспомнил Се Цинсяо — того самого, что когда-то стоял здесь, жалкий, словно брошенный щенок.

Тц...

При этом воспоминании тело Гу Сьюаня напряглось. Мгновение спустя он решительно зашагал в сторону туалета — ему определенно нужно было умыться ледяной водой.

Плеск воды...

Смывая дорожную пыль и лишние мысли, Гу Сьюань всматривался в зеркало. Его черты были резкими, губы — тонкими; он выглядел как человек, не склонный к сантиментам и уж точно не способный прожить с кем-то всю жизнь.

Однако, вспомнив слова, сказанные Системой совсем недавно, он нахмурился и со всей силы ударил кулаком по раковине, процедив сквозь зубы:

— Твою ж мать!

Он вырос в горной деревушке, где мужчины, собираясь вместе, не стеснялись в выражениях, обсуждая всё подряд — от чьих-то белых ног до родинок в интимных местах. Он слышал много всякой грязи, но сам выругался так впервые в жизни.

Слова деревенских мужиков невольно вызвали в памяти образ белоснежной кожи Се Цинсяо и то мягкое, гладкое ощущение, когда он касался его щеки. Глаза Гу Сьюаня начали наливаться кровью, а дыхание стало тяжелым и прерывистым.

...Что-то не так. Почему он вдруг думает об этом?

Гу Сьюань тряхнул головой, которая внезапно стала тяжелой и словно налилась свинцом. В тот же миг до него донесся отчетливый, концентрированный запах незнакомого феромона.

Лицо Гу Сьюаня мгновенно вспыхнуло, по всему телу разлилась неконтролируемая волна возбуждения и жара, а на руках, упирившихся в раковину, вздулись вены. Заходя в помещение, он почувствовал этот аромат, но, погруженный в свои мысли, принял его за освежитель воздуха, оставленный уборщицей.

Но нынешнее состояние не оставляло сомнений: это были феромоны Омеги в период течки.

— Лу Цзяян!..

— Лу Цзяян, ты где?!

В этот момент снаружи раздался отчаянный крик. Гу Сьюань мгновенно понял, что происходит. Не тратя времени на раздумья, он, сцепив зубы и преодолевая гул в голове, бросился к выходу, но в дверях столкнулся с человеком.

Это был Шэнь Тин. Тот схватил его за плечо и проорал:

— Гу Сьюань, ты видел Лу Цзяяна?

Гу Сьюань крепко зажмурился, чувствуя, как голова готова расколоться на части. Раздраженным движением он сбросил руку Шэнь Тина и, тяжело дыша, бросил:

— Сам иди и смотри!

Сказав это, он поспешил прочь. Однако не успел он сделать и пары шагов, как на него обрушилась еще более мощная волна феромонов. Этот идиот Шэнь Тин распахнул дверь в уборную настезь.

Дыхание Гу Сьюаня стало обжигающим, грудная клетка бешено вздымалась, а сердце колотилось так сильно, будто хотело вырваться из груди. Физиологическая реакция, которой невозможно было противостоять, нахлынула подобно цунами, грозя поглотить его рассудок.

Стиснув зубы и опираясь о стену, он, пошатываясь, прошел несколько метров. Наконец, завидев в конце коридора читальный зал, он с силой толкнул дверь и заперся внутри.

Гу Сьюань опустился на пол, его тело сотрясала крупная дрожь.

Лу Цзяян должен был пройти вторичную дифференциацию в Омегу именно под Новый год — именно это событие в оригинальном мире стало поворотным моментом, после которого их отношения с Шэнь Тинем стремительно развились и привели к счастливому финалу. Но из-за того, что Се Цинсяо расстался с Шэнь Тинем, Гу Сьюань перестал следить за этой парочкой, и сегодня по иронии судьбы эта беда рикошетом ударила по нему самому.

Гу Сьюань хотел выйти и вылить на голову ведро ледяной воды, но не смел возвращаться к туалетам, где находился Лу Цзяян в разгаре своей первой течки. Не смел он и спускаться в общежитие — в таком состоянии он мог атаковать любого встречного Омегу.

Его собственный период восприимчивости должен был начаться лишь через несколько дней, и, так как сегодня нужно было выступать, он не взял с собой подавители. Он закусил губу до крови, решив выстоять на чистой воле. Он — Гу Сьюань, и его разум никогда не проиграет какой-то жалкой биологии.

Однако в этот момент дверь читального зала распахнулась, впуслав струю холодного воздуха и вместе с ней — сладкий, манящий аромат. Гу Сьюань почувствовал себя скитальцем, который после многих дней в пустыне вдруг уловил запах влаги оазиса.

— Гу Сьюань... это ты? — тихо позвал Се Цинсяо.

После неудачного признания он вернулся в общежитие, чтобы собрать вещи и уехать домой. Но, выйдя из корпуса и проходя мимо баскетбольной площадки, не удержался и зашел внутрь — в место, где когда-то Гу Сьюань сражался ради него. Позже, собираясь уходить, он услышал наверху крики Шэнь Тина, звавшего Гу Сьюаня. Не зная зачем, он поднялся на второй этаж.

Теперь же он был несказанно рад этому порыву, потому что едва ступил на этаж, как

почувствовал густой запах омега-феромонов. Поблуднев, он бросился на поиски Гу Сьюаня.

— Се Цинсяо...

Гу Сьюань смотрел на изящный, почти неземной силуэт, приближающийся к нему в лунном свете, и чувствовал, что взрывная волна жара внутри больше не поддается контролю. Сжав кулаки, он с трудом поднялся, опираясь на книжный стеллаж, и с силой оттолкнул вошедшего:

— Уходи! Быстрее уходи отсюда!

Се Цинсяо, не ожидавший такого, пошатнулся, и его спина с силой врезалась в край письменного стола. От резкой боли на лбу мгновенно выступил холодный пот. Но... в это мгновение боль в пояснице не шла ни в какое сравнение с той болью, что разрывала его сердце.

Опираясь на стол, он медленно выпрямился, бледный как полотно. Он долгим, тяжелым взглядом посмотрел на Гу Сьюаня — так смотрят, принимая судьбоносное решение или прощаясь навсегда, — и развернулся, чтобы выйти. Из-за удара его спина оставалась чуть согнутой.

Однако не успел он дойти до двери, как мощная сила рванула его назад. Хотя от близости этого человека Гу Сьюань был готов буквально взорваться, его подсознание твердило лишь одно: нельзя дать ему уйти. Взгляд, которым только что посмотрел на него Се Цинсяо — полный надлома и мертвенного спокойствия, — испугал его. Он чувствовал: если позволит ему уйти сейчас, то потеряет навсегда.

Холодный и чистый свет луны падал из окна, освещая бледное, точеное лицо Се Цинсяо, придавая ему призрачную красоту. Гу Сьюань одной рукой мертвой хваткой вцепился в его плечо, а другой с силой обхватил за талию, прижимая к себе:

— Не уходи... Запрещаю уходить!

Се Цинсяо перестал замечать боль в теле — в голове всё превратилось в кашу. Только что этот человек гнал его прочь, а теперь не дает шагу ступить.

Распаленное лицо Альфы прижалось к прохладной, гладкой шее Се Цинсяо. Вдыхая едва уловимый аромат, исходящий от его желез, Гу Сьюань издал долгий, полный блаженства вздох. В следующую секунду ведомый инстинктами, он прильнул губами к его коже и не удержался от того, чтобы слегка лизнуть её.

Се Цинсяо вздрогнул от этого жара:

— Гу Сьюань, ты...

В этот момент рука на его талии медленно поползла вверх по позвоночнику, а поцелуи начали менять траекторию: от шеи к чувствительному месту за ухом, к подбородку, пока наконец не нашли приоткрытые алые губы. Начался неистовый шторм.

Се Цинсяо был вынужден закинуть голову, принимая этот натиск. Его худощавое тело было зажато между мощным торсом Гу Сьюаня и ледяной стеной — места для сопротивления или отказа просто не осталось. Гу Сьюань походил на изголодавшегося взрослого леопарда: поймав добычу, он вцепился в неё мертвой хваткой, и пусть весь мир рушится.

От этого поцелуя Се Цинсяо обмяк, чувствуя, как по телу разливается жар, а на губах появился металлический привкус крови. Вероятно, именно этот вкус немного привел Гу Сьюаня в чувство. Он прекратил безумный поцелуй, но продолжал нежно тереться лицом о его шею, осыпая её легкими ласками:

— Се Цинсяо... Се Цинсяо...

Слыша, как его имя перекатывается на губах Альфы, Се Цинсяо почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Дрожащим голосом он спросил:

— Гу Сьюань, ты понимаешь, что ты делаешь?

— Понимаю. — Голос Альфы, звучавший совсем рядом, был привычно низким и магнетическим. Он произнес с абсолютной уверенностью: — Се Цинсяо, ты мой.

Слезы окончательно хлынули из глаз Се Цинсяо, обжигая холодную кожу щек. Но он вдруг тихо улыбнулся. Если этот миг настоящий — этого достаточно.

— Давай... Сделай временную метку, тебе станет легче, — он поднял руки и ухватился за локти Гу Сьюаня, прикрыв глаза и подставляя свою беззащитную шею и железу, словно совершая обряд жертвоприношения.

Глаза Гу Сьюаня, и без того темные, стали бездонно черными. Перед ним стоял человек совершенной красоты, и шея его была прекрасна — длинная и изящная. Под этой белоснежной кожей скрывалась маленькая железа — самое важное и уязвимое место Омеги.

Он поднял широкую ладонь, слегка коснувшись этого места, отчего Се Цинсяо невольно вздрогнул. В следующий миг Гу Сьюань склонил голову и с силой впился зубами в тонкую шею.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281555>